

A person in a dark coat stands in a snowy landscape at sunset, holding a glowing coin. The background features a building with a snow-covered roof, flying birds, and a large spiderweb on the left. The scene is illuminated by the warm, orange light of the setting sun.

Монеты для сна.

Книга 2

Владимир Кожедеев

Владимир Кожедеев

Монеты для сна. Книга 2

<https://litres.ru/74062728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павел Разин, коллежский асессор, чьё имя стало легендой среди тех, кто сталкивался с необъяснимым, живёт спокойной жизнью. Вместе с верным другом, доктором Карлом Лерхе, он расследует обычные преступления — кражи, мошенничества, убийства на почве страсти. Но покой оказывается обманчивым.

В Петербурге вновь появляются квадратные монеты. Молодые люди, получившие их от таинственного «немца в чёрном», впадают в странный транс — они не спят, не едят, не просыпаются. Они видят один и тот же сон: мёртвый сад и пустой трон в центре. А на подушках находят чёрные вороньи перья.

Разин понимает: Хозяйка снов не была уничтожена. Её заперли, но не убили. И теперь кто-то — тот, кто носит имя барона фон Хоффмана, — пытается открыть ворота заново. На этот раз он ищет не души, а сосуд. Наследницу рода Трубецких — девушку, чьи сны могут стать мостом между мирами.

Расследование приводит Разина в забытые подвалы Михайловского замка, где тридцать лет назад была пролита кровь императора...

Содержание

Глава 1. Тени прошлого	4
Глава 2. Бумаги из прошлого	23
Глава 3. След барона	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Кожедеев

Монеты для сна. Книга 2

Глава 1. Тени прошлого

Петербург, февраль 1835 года.

Зима в этом году выдалась лютая. Морозы стояли такие, что птицы падали на лету, а извозчики замерзали на козлах, не дождавшись седоков. Неву сковало льдом так крепко, что по ней ходили пешком — от Петропавловской крепости до Адмиралтейства, и детишки катались на самодельных коньках, не боясь провалиться. Дым из труб поднимался прямыми столбами и застывал в воздухе, образуя над городом серую, тяжёлую пелену.

На Лиговке, в квартире коллежского асессора Павла Кирилловича Разина, было холодно, несмотря на топленую печь. Стекла заиндевели так, что глядеть в них было всё равно что в матовое стекло. За окнами редкие прохожие катились в шубы и тулупы, торопились по своим делам, и только вороны — чёрные, наглые, жирные от городского корма — расхаживали по сугробам, как хозяева жизни.

Разин сидел за столом, пил остывший кофе и перечитывал письмо, которое принесли ему с утренней почтой. Конверт был толстый, с сургучной печатью, на которой красо-

вался старинный герб — двуглавый орёл, но не имперский, а какой-то чужой, с расправленными крыльями и странной короной над головами. Почерк на конверте был твёрдый, военный, с нажимом.

«Милостивый государь Павел Кириллович, — писал автор. — Имею честь обратиться к вам как к единственному человеку в столице, кто способен понять и помочь. Моя дочь, Софья Алексеевна Волконская, впала в состояние, которое врачи называют нервной горячкой. Но я, старый солдат, знаю: это не болезнь. Это нечто иное. Умоляю вас приехать. Я заплачу любые деньги, но прежде всего — я отдам всё, что имею, только бы спасти дитя. Ваш покорный слуга, генерал-аншеф князь Алексей Петрович Волконский».

Разин перечитал письмо дважды, потом отложил в сторону и подошёл к окну. Попытался разглядеть что-то сквозь иней, но увидел только собственную бледную физиономию, отражённую в морозных узорах. За четыре года, прошедших с тех событий, он постарел — не столько лицом, сколько глазами. В них поселилась та глубокая усталость, которая бывает у людей, видевших слишком много, слишком рано.

Он думал о том, что та зима, когда они сожгли монеты и закрыли врата, казалась такой же холодной. Тогда он верил, что всё кончено. Что проклятие снято, что Хозяйка снов уничтожена, что сад навсегда закрыт. Но прошло три года, и вот — новое письмо, новые просьбы, новые тревоги.

«Неужели я никогда не смогу отдохнуть?» — подумал он.

— Карл Иванович ушёл в больницу, — сказал он вслух пустой комнате. — Сказал, что будет к вечеру. А я сижу и жду очередного призрака.

Однако в голосе его не было злобы. Была усталая покорность судьбе — та самая, которую он научился носить как шинель, защищающую от ветра.

Он оделся, накинул шинель, взял трость и вышел.

Морозный воздух обжёг лицо, когда Разин вышел на крыльцо. Над Лиговкой висела белая мгла — не туман, не снег, а что-то среднее, похожее на дым, только холодный и колючий. Фонари горели тускло, их свет расплывался желтоватыми пятнами в этой молочной мути.

Он поднял воротник, зашагал в сторону Невского, где можно было поймать извозчика. Хруст снега под ногами казался неестественно громким в тишине мёрзлого города. Вороны, сидевшие на карнизе соседнего дома, проводили его чёрными, блестящими глазами, но не каркнули — только головы повернули, будто следили.

У Гостиного двора Разин наконец нашёл извозчика — старый, облезлый возок, запряжённый клячей, которая, казалось, вот-вот упадёт. Седок был закутан в тулуп, лица не видно.

— На Мойку, к генералу Волконскому, — сказал Разин, садясь.

Извозчик крякнул, дёрнул вожжами. Сани тронулись, скрипя по снегу. В городе было безлюдно — даже обычная

сутолока Невского затихла. Редкие прохожие, закутанные до глаз, торопились по своим делам, не глядя по сторонам. Казалось, весь Петербург впал в зимнюю спячку.

Сердце Разина билось ровно, но внутри, глубоко, росла тревога. Он чувствовал её — ту самую, что всегда предшествовала началу чего-то тёмного. Он думал о Катеньке, о княгине Трубецкой, о профессоре Великанове — обо всех, кто ушёл, оставив после себя только память и вопросы.

«Почему ты опять в моей жизни? — спросил он мысленно ту, что стояла за всеми этими смертями. — Чего тебе надо? Мы закрыли врата. Мы переплавили монеты. Мы победили. Почему ты не уходишь навсегда?»

Но ответа не было. Только ветер завывал, да вороны кружили над головами, сопровождая его до самой Мойки.

Дом генерала Волконского.

Особняк стоял на набережной, недалеко от Невского, с колоннами и лепниной, которая от мороза потрескалась и осыпалась. Несмотря на аристократическую вывеску, дом выглядел запущенным, почти бедным. Ставни были закрыты, трубы дымили слабо — будто дом экономил тепло, как старый человек экономит силы.

Разин постучал чугунным кольцом. Дверь открыл старый камердинер, почти такой же древний, как сам дом, с лицом, изрезанным морщинами, и глазами, полными тревоги.

— Господин коллежский асессор? — спросил он дрожащим голосом. — Проходите, барин ждёт.

Вестибюль был холодным, пахло затхлостью и лекарствами. На вешалке висело несколько шинелей, на полу стояли калоши. Разин снял верхнюю одежду и проследовал за слугой в гостиную.

Генерал ждал его у камина. Это был высокий, сухопарый старик с седыми усами и прямым, почти воинственным взглядом. Но в этом взгляде теперь светилась такая боль, что Разин едва удержался, чтобы не отвести глаза.

— Князь Волконский, — представился старик, протягивая руку. Рукопожатие было крепким, но сухим, как пергамент. — Благодарю, что пришли.

— Ваше сиятельство, расскажите, что случилось.

Генерал не стал церемониться. Он подошёл к креслу, сел, жестом пригласил Разина сесть напротив.

— Софья, — сказал он, и голос его дрогнул, — моя дочь, моя единственная радость. Ей двадцать два года. Она была здорова, весела, собиралась замуж. Жених — хороший человек, капитан Преображенского полка, её ровесник. Всё было прекрасно. А две недели назад она перестала спать.

— Совсем?

— Совсем. — Генерал поморщился, словно от боли. — Она ложится в постель, закрывает глаза, но не спит. Лежит, смотрит в одну точку, и губы её шевелятся. Иногда она говорит: «Она вернулась». Я спрашиваю: кто? А она молчит. Иногда плачет. Иногда смеётся. Последние три дня она не ест. Я приглашал лучших докторов, они пожимали плеча-

ми, говорили о нервной горячке, давали опий, но без толку. Даже светило медицины, профессор Зейферт из Германии, который сейчас в Петербурге по приглашению императора, осмотрел её — и только руками развёл. Сказал, что это «сомнамбулический транс неизвестной этиологии». Но я-то знаю, это не транс. Это страх. Настоящий, животный страх. Она боится заснуть, потому что в её снах кто-то есть.

— Кто же?

— Она говорит: «Женщина в белом». Говорит, что та сидит на троне посреди мёртвого сада и зовёт её. Говорит, что если она заснёт по-настоящему, то не проснётся никогда.

Разин почувствовал, как на затылке шевельнулись волосы. Он не перебивал, дал генералу договорить, но внутри него уже закипала тревога.

— Могу я увидеть её?

Генерал встал, прошёлся по комнате, заложив руки за спину.

— Я не знаю, стоит ли. Она пугает людей. Прислуга боится заходить к ней. Даже я, старый дурак, боюсь, когда она начинает говорить. — Он остановился и посмотрел Разину прямо в глаза. — Но вы, говорят, видели такое раньше. Вы знаете, что это такое.

— Видел, — ответил Разин, и голос его стал твёрже. — Проведите меня к ней.

Она была в спальне на втором этаже. Большая, светлая, с высокими окнами, выходящими на Мойку, но шторы бы-

ли задёрнуты, и в комнате царил полумрак. Пахло лавандой и чем-то горьким — может быть, лекарствами, может быть, страхом.

Софья лежала на кровати, укрытая до подбородка одеялом. Она была красива той хрупкой, болезненной красотой, которая так ценилась в свете, но сейчас это была красота увядающая — бледная кожа, синие круги под глазами, и глаза были открыты. Они смотрели в потолок, и в них не было ничего, кроме пустоты.

Разин подошёл к ней, присел на край кровати. Она не обернулась, не шевельнулась. Только губы её зашевелились, и он услышал тихий, почти детский голос:

— Она вернулась.

— Кто, Софья? — спросил Разин. — Кто вернулся?

— Она... — повторила девушка. — Из сада... Она идёт по снегу... Я вижу её каждый день... Она зовёт меня в сад, но в саду нет цветов... Только трон... Пустой трон..., и она сидит на нём и плачет.

Разин почувствовал, как по спине пробежал холод. Он медленно, осторожно взял её правую руку — тонкую, почти прозрачную, с голубыми венами. Разжал её пальцы. На ладони, в центре, был едва заметный ожог — красная, воспалённая точка в форме квадрата, с чёткими краями.

— Как давно у неё это? — спросил он у генерала, не обращившись.

Старик подошёл, заглянул через плечо.

— Не знаю. Я не замечал. Она всегда прятала руки. Софья стесняется своих рук — говорит, что они слишком худые.

— Это след от монеты, — сказал Разин, и голос его дрогнул. — Квадратной монеты. Такой же, как те, что я видел раньше. Они оставляют такой ожог, если долго держать их в руке. Особенно если монета «заряжена».

Генерал побледнел так, что его усы стали почти белыми.

— Что это значит? Какая монета? Я не понимаю.

— Это значит, что она получила монету от кого-то. И, скорее всего, тот, кто дал её, знал, что делает. Эта монета — ключ к миру сновидений. Тому самому, где сидит женщина в белом.

— От кого? Откуда? Я никому не позволял приближаться к ней! Она почти не выходила из дома последние месяцы!

— Может быть, она сама не помнит, — Разин посмотрел на девушку. — Софья, кто дал тебе монету?

Софья медленно повернула голову. Взгляд её на миг прояснился, и Разин увидел в нём не пустоту, а страх — настоящий, живой, детский страх.

— Немец, — прошептала она. — Красивый, в чёрном сюртуке. Сказал, что это талисман. Что он принесёт мне счастье. Я взяла, потому что он был добрым и говорил ласково. А потом я увидела сад. И Она сидела на троне и ждала меня. — Девушка заплакала. — Она ждёт меня, Павел Кириллович. Она хочет, чтобы я пришла к ней. Но я не хочу! Там так холодно и пусто!

Разин взял её за руку, сжал.

— Я не дам ей забрать тебя. Обещаю. — Он повернулся к генералу. — Скажите, у неё есть вещи, которые она получила в последнее время? Подарки, письма, что-то необычное?

Генерал нахмурился, потом хлопнул себя по лбу.

— Да! Три недели назад ей прислали посылку. Без обратного адреса. Она сказала, что это от какой-то старой знакомой, но я не поверил. Посылка была в деревянной шкатулке. Я забрал её, хотел вскрыть, но Софья умоляла не трогать. Сказала, что это её тайна. Я не стал настаивать — она взрослая девушка, у неё могут быть свои секреты. Шкатулка до сих пор стоит у неё в будуаре.

— Покажите.

Генерал провёл его в соседнюю комнату — маленький будуар с туалетным столиком, книгами и безделушками. На столике стояла шкатулка из тёмного дерева, инкрустированная перламутром. Когда Разин взял её в руки, он почувствовал знакомое тепло — такое же, как от монет три года назад.

Он открыл крышку. Внутри, на бархатной подушке, лежала квадратная монета. Такая же, как те, что он видел. Но была в ней одна странность — на одной стороне был выгравирован не символ сада, а буква «Н». Инициал.

Разин перевернул монету. На другой стороне была дата: «1801». Год убийства императора Павла. Год, когда графиня Шварц исчезла из этого мира.

— Вот оно, — сказал он тихо. — Ключ. И тот, кто оставил

его, хочет, чтобы мы знали.

— Что? — переспросил генерал. — Что вы имеете в виду?

— Буква «Н» — это, вероятно, инициал человека, который сделал эту монету. Или который оставил её здесь. 1801 год — дата, когда всё началось. Это послание, ваше сиятельство. Вызов. Или предупреждение.

Генерал схватился за сердце.

— Господи, что же мне делать?

Разин спрятал монету в карман.

— Сейчас ничего. Я должен посоветоваться с коллегой, доктором Лерхе. Он знает об этом больше, чем кто-либо. Я вернусь завтра. А пока — никому не говорите о монете. И не давайте Софье ничего, что может напоминать ей о сне.

Генерал кивнул, ссутулившись. Он вдруг показался Разину бесконечно старым и одиноким.

— Вы думаете, это можно остановить?

— Я надеюсь, — ответил Разин. — Иначе зачем мы всё это делаем?

В тот же вечер Разин приехал в больницу. Лерхе сидел за столом, заваленным бумагами, пил кофе и выглядел так, будто не спал вторые сутки. Увидев друга, он поднялся, снял очки, протёр их и снова надел.

— Павел Кириллович! — воскликнул он. — Что за спешка? Ты выглядишь так, будто встретил привидение.

— Хуже, — ответил Разин, садясь без приглашения. — У меня к тебе дело. Серьёзное.

Он вкратце пересказал историю Софьи Волконской, показал монету, описал ожог на руке. Лерхе слушал, не перебивая, только лицо его мрачнело с каждой минутой.

Когда Разин закончил, Лерхе подошёл к шкафу, достал папку с делами.

— У меня тоже есть для тебя новости, — сказал он, кладя папку на стол и раскрывая. — Два пациента. Молодые люди, оба из хороших семей, оба члены каких-то мелких масонских лож. Привезли вчера. Состояние одинаковое: не спят, видят один и тот же сон. Сад, но не цветущий, как в прошлый раз, а мёртвый. Сухие деревья, чёрная земля, и в центре — пустой трон.

— У них есть ожоги?

— Есть. — Лерхе показал бумаги. — Вот смотри: у одного на левой руке, у другого на правой. Форма квадратная. Следы от монет. Я сам осматривал. И они оба говорили о «немце в чёрном».

Разин взял бумаги, пробежал глазами. Внутри него нарастало знакомое чувство — холодное, липкое, как туман над Невой. Чувство, которое он научился распознавать за годы работы: это начало.

— Карл Иванович, — сказал он, — это не совпадение. Три человека, трое разных, из разных кругов, и все видят одно и то же.

— Я знаю, — ответил Лерхе, но в голосе его не было уверенности. — Но, Павел Кириллович, может быть, это просто

эпидемия? Мода? В Петербурге сейчас многие увлекаются мистикой, месмеризмом, сомнамбулизмом. Эти масоны — они же вечно ищут что-то тайное, что-то запретное. Может быть, кто-то просто пользуется их доверчивостью?

— Ты сам не веришь в это.

— Я не знаю, во что мне верить! — вдруг вспыхнул Лерхе. Он встал, снял очки, начал нервно протирать их тряпочкой. — Три года я жил спокойно. Занимался наукой, лечил людей. И тут ты приходишь и говоришь: «Она вернулась». Но мы же её уничтожили! Мы переплавили монеты, закрыли ворота, княгиня Трубецкая отдала за это жизнь! Неужели всё было зря?

— Не зря, — твёрдо сказал Разин. — Мы выиграли время. Но ворота не были закрыты навсегда. Помнишь, отец Иоанн говорил: «На годы, на десятилетия». Три года — это ещё не десятилетие. И у нас нет никакой гарантии, что она не нашла другой способ вернуться. Или что у неё не было последователей, о которых мы не знали. Этот «немец в чёрном» — кто он? Может быть, тот самый барон фон Хоффман, о котором говорил Герман. Может быть, кто-то другой.

Лерхе сел, закрыл лицо руками. Он молчал долго, потом поднял голову. Глаза его были красными.

— Прости. Я не должен был кричать. Просто... я устал, Павел Кириллович. Устал бояться. Устал думать, что за каждым углом прячется тьма.

— Я тоже, — сказал Разин. — Но бояться не значит от-

ступать. Бояться — значит быть человеком. А отступить — значит позволить тьме победить.

Он подошёл к столу, взял ручку и лист бумаги.

— Давай подумаем. Если монеты появились снова, значит, кто-то их делает. Или где-то есть ещё одна партия, которую мы не нашли. Или кто-то научился создавать новые монеты, используя старые знания. Надо найти этого немца.

— Ты хочешь снова идти в сад? — спросил Лерхе, и в голосе его послышался страх.

— Нет. Пока нет. Сначала — найти того, кто открывает эту дверь. Остановить его, пока он не успел распространить монеты дальше. Если мы найдём его, мы узнаем, откуда у него монеты. И тогда, возможно, поймём, как закрыть врата на этот раз окончательно.

Лерхе вздохнул, поправил очки.

— Хорошо. Я с тобой. Но обещай мне одно: если мы поймём, что это тупик, если это окажется просто совпадением, мы остановимся. Мы не будем искать призраков там, где их нет.

— Договорились, — сказал Разин.

Они пожали руки, и в этом рукопожатии была усталость, и тревога, и надежда — маленькая, робкая, как огонёк свечи в зимней стуже.

Вечер. Квартира Разина.

Он вернулся домой поздно. В квартире было темно и холодно — печь погасла, свечи догорели. Он зажжёт новую, сел

за стол.

На столе лежало письмо генерала, и рядом с ним — пустая бумага, которую он собирался исписать. Но вместо этого он положил руку на грудь, туда, где под рубашкой висели два креста — афонский, от княгини, и серебряный, от профессора Великанова.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он тихо, обращаясь к пустоте. — Чего ты добиваешься? Я не дам тебе больше ни одной души. Ни одной.

В ответ — только треск догорающего фитиля и вой ветра за окном.

Разин заварил свежий кофе, сел писать заметки. Но мысль то и дело ускользала, возвращаясь к образу Софьи Волконской — её пустым глазам, её дрожащему голосу, её словам о мёртвом саде.

«Она видит тот же сад, но не цветущий, — думал он. — Что это значит? Сад умирает? Или она показывает им то, что будет, если врата откроются снова? Может быть, она хочет, чтобы мы испугались и остановились? Или, наоборот, хочет, чтобы мы вошли?»

Он вспомнил слова Софьи: «Она сидит на троне и плачет». Плачет? Хозяйка снов — и плачет? Это было так странно, так не вязалось с образом чёрной, бездушной сущности, которую он знал.

«Что случилось с тобой, Хозяйка? — спросил он мысленно. — Почему ты плачешь? Неужели ты тоже можешь стра-

дать? Или это ловушка?»

Мысли путались, и он решил отложить записи до утра. Погасил свечу, лёг в постель, закрыл глаза.

И сразу увидел её.

Он стоял в саду. Но не в том, прекрасном, светящемся, который он помнил. Сад был мёртв. Деревья стояли голые, с корявыми, как руки старухи, ветвями. Земля была чёрной, потрескавшейся, и между трещинами сочился какой-то белый пар — холодный, как дыхание смерти.

В центре сада, на холме, стоял трон. Сделанный из почерневшего серебра, он был пуст. Но вокруг него, на коленях, сидели люди. Сотни, тысячи людей. Они не двигались, не дышали — они просто сидели и смотрели на пустой трон.

И среди них была Катенька.

Разин хотел крикнуть, броситься к ней, но ноги не слушались. Он стоял, как вкопанный, и смотрел на неё — такую же прекрасную, как в тот день, когда они встретились. Она сидела в первом ряду, и лицо её было спокойным, почти улыбающимся. Но в глазах стояла пустота.

А рядом с ней сидела Софья Волконская. Такая же бледная, такая же пустая.

— Ты видишь, Павел? — раздался голос. Женский, холодный, но в нём уже не было той уверенности, что раньше. — Они все придут ко мне. Рано или поздно. Ты не можешь закрыть врата навсегда. Ты можешь только отсрочить неизбежное.

Он обернулся. На троне сидела Она. Хозяйка снов. Но какой-то другой — не той, властной и прекрасной. Она была бледнее, сутулилась, и в глазах её, таких же чёрных без зрачков, стояли слёзы.

— Ты плачешь? — спросил Разин.

— Я умираю, — ответила она. — Сад умирает. И я умираю вместе с ним. Вы запечатали врата, и я не могу питаться снами. Я таю, как снег весной. Но я не хочу умирать. Я хочу жить. И я найду способ выжить. Даже если для этого мне придётся уничтожить вас всех.

Она подняла руку, и сад исчез.

Разин проснулся в холодном поту. За окном всё так же выл ветер, и на подоконнике лежало чёрное воронье перо.

Он взял его, повертел в руках. Перо было холодным, но внутри, глубоко, чувствовалось слабое тепло — как будто оно жило своей жизнью.

«Она умирает, — подумал он. — Сад умирает. И она хочет выжить. Она будет бороться. И, возможно, она уже начала борьбу».

Он спрятал перо в ящик стола, к другим вещам, которые хранил как память.

— Начинается, — прошептал он. — Снова.

Разин встал на рассвете. Голова болела, во рту был горький вкус — следствие бессонной ночи и кошмарного сна. Он умылся ледяной водой, заварил крепкий кофе и сел писать письмо Герману в Кёнигсберг.

«Дорогой друг, — писал он, — надеюсь, что это письмо застанет вас в добром здравии. В Петербурге вновь появились монеты. И есть основания полагать, что это не случайность. Кто-то, называющий себя «немцем в чёрном», распространяет их среди доверчивых людей. Жертвы впадают в транс, видят мёртвый сад и не могут проснуться. У них на руках ожоги от монет. Я подозреваю, что это может быть барон фон Хоффман, о котором вы упоминали. Знаете ли вы что-то о нём? Может быть, он жив? Пожалуйста, сообщите мне любые сведения. Ваш друг, Павел Разин».

Он запечатал письмо, отнёс на почту. А потом отправился в Обуховскую больницу — к Лерхе.

Обуховская больница. Утро.

Лерхе уже был на месте. Он выглядел бодрее, чем вчера, но в глазах его всё ещё стояла тревога.

— Я думал, — сказал он, — что мы можем навестить тех двух пациентов. Поговорить с ними. Может быть, они вспомнят что-то важное о «немце».

— Хорошая мысль, — ответил Разин.

Они прошли в палату, где лежали молодые люди. Оба были в сознании, но взгляды их были пустыми, как у Софьи. Один из них, темноволосый, с тонким, аристократическим лицом, повернул голову, когда Разин вошёл.

— Вы тот, кто ищет монеты? — спросил он слабым голосом.

— Да. Откуда вы знаете?

— Она сказала мне. Во сне. Она сказала, что вы придёте. И что я должен передать вам сообщение.

— Какое?

Юноша закрыл глаза, и губы его зашевелились. Голос стал чужим — женским, холодным, безжизненным.

— «Ты не можешь меня убить, Павел. Я была до тебя и буду после. Если ты хочешь остановить меня — войди в сад и встретись со мной лицом к лицу. Или смотри, как я забираю их одного за другим».

Разин почувствовал, как по спине пробежал холод. Лерхе, стоящий рядом, побледнел.

— Это она, — прошептал он. — Она говорит через них.

Юноша открыл глаза и снова стал собой. Он посмотрел на Разина с испугом.

— Что это было?

— Ничего, — сказал Разин. — Вам просто приснился дурной сон. Отдыхайте.

Он вышел из палаты, и Лерхе последовал за ним. В коридоре они остановились.

— Она выходит на связь, — сказал Разин. — Она хочет, чтобы мы вошли в сад.

— Ты не сделаешь этого! — воскликнул Лерхе.

— Сделаю, — твёрдо ответил Разин. — Но не один. И не сейчас. Сначала мы найдём этого немца. И выясним, что ему нужно. А потом решим.

Они стояли в пустом коридоре, и за окнами выл ветер, а

по небу плыли чёрные тучи, обещая новую метель.

В Петербурге начиналась выюга. И Разин знал: это только начало.

Глава 2. Бумаги из прошлого

Квартира Разина на Лиговке. Вечер того же дня.

Когда Разин вернулся от Лерхе, в квартире было темно и холодно. Печь давно погасла, и в комнате стоял тот особый, пронизывающий холод, который бывает только в петербургских домах зимой, когда стены промерзают насквозь и никакие дрова не могут прогнать сырость. Он зажёл свечи — одну, вторую, третью, — и жёлтый свет разогнал тьму, но не холод. Холод сидел в костях, как память о старых ранах.

Разин снял шинель, повесил её на спинку стула и подошёл к шкафу, стоявшему в углу. Там, за книгами и старыми бумагами, хранилась вещь, которую он не трогал почти три года — тяжёлая шкатулка чёрного дерева с инкрустацией из перламутра. Та самая, что когда-то принадлежала княгине Трубецкой. Он помнил, как впервые взял её в руки, как княгиня, бледная, с дрожащими пальцами, протянула ему эту шкатулку и сказала: «Здесь всё. Вся правда. И весь ужас». Тогда он не до конца понимал, что берёт на себя. Теперь понимал слишком хорошо.

Он поставил шкатулку на стол, открыл. Внутри лежали дневники князя Дмитрия Трубецкого, бумаги профессора Великанова, несколько старых писем и — на самом дне — засохшее чёрное воронье перо, которое он сохранил как память о той ночи, когда они закрыли ворота. Перо было тёп-

лым на ощупь, хотя прошло уже три года. Разин сжал его в пальцах, и ему показалось, что он слышит далёкий шёпот — неразборчивый, но тревожный. Он быстро убрал перо обратно.

Разин взял верхнюю тетрадь — дневник князя, переплёт которого почти рассыпался от времени. Перелистнул страницы, покрытые мелким, нервным почерком. Он знал эти строки почти наизусть, но всё равно перечитал, словно надеялся найти что-то новое.

«Я видел Её снова. Она стояла у фонтана и ждала меня. Я подошёл, и она взяла меня за руку. Рука её была холодной, но в этом холоде была такая сладость, что я готов был умереть, лишь бы чувствовать его вечно. Она сказала: «Ты мой, Дмитрий. Все вы мои. Мы встретимся в саду, когда придёт время». Я спросил: «А когда придёт это время?» Она улыбнулась и ответила: «Когда ты будешь готов отдать мне всё».

Я не знаю, что она имеет в виду. Но я чувствую, что это время близко. Мои сны становятся всё ярче, и всё чаще я просыпаюсь с мыслью, что она стоит рядом со мной, даже когда я не сплю. Лиза начинает беспокоиться — она видит, как я худею, как бледнею. Но она не знает правды. Никто не знает. Кроме меня и Неё.

Боже, помоги мне. Или прости меня. Я уже не знаю, что правильно».

Разин закрыл дневник, положил его в сторону. Вспомнил, как княгиня Елизавета сидела в своём будуаре на Англий-

ской набережной и рассказывала о муже, о его исчезновении, о своей боли. Она отдала жизнь, чтобы спасти дочь. И теперь, глядя на пустые страницы, Разин чувствовал, что должен сделать всё, чтобы её жертва не была напрасной. Но что он мог сделать, если врата, казалось, открывались снова, и сила, которую они победили три года назад, возвращалась в ином обличье?

Он взял следующую тетрадь — бумаги профессора Великанова. Это была не книга, а кипа листов, исписанных мелким, аккуратным почерком с немецким акцентом. Сверху, на первом листе, было написано: «Моему ученику, Карлу Ивановичу Лерхе, в надежде, что эти знания пригодятся для борьбы со тьмой».

Разин начал читать, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Из бумаг профессора Великанова.

«Графиня Аврора фон Шварц, как я теперь понимаю, была не единственной, кто стоял у истоков Братства Золотого Сна. Была ещё одна ветвь, более тёмная и скрытая. Её основал некий барон фон Хоффман, ученик Германнуса фон Шварца, который не разделял взглядов своего учителя. Если Германнус искал путь к бессмертию через сны, то Хоффман стремился к власти над самими сновидениями. Он хотел управлять тем, что люди видят во сне, и через это управлять их поступками наяву.

Барон фон Хоффман был старше графини и, по слухам,

обучал её некоторым ритуалам. Но когда она основала Братство, он ушёл в тень. Говорят, что он не вошёл в сад, потому что считал это «пустой тратой времени» — сад, по его мнению, был лишь началом, и настоящая цель лежала глубже. Он создал свою организацию, которую называли «Орден Пустоты», и её члены не видели снов — они использовали сны других как инструмент для достижения своих целей.

Я пытался найти следы этого Ордена, но безуспешно. Последние упоминания о бароне относятся к 1825 году — кто-то видел его в Кёнигсберге, кто-то в Вене. Но достоверных свидетельств нет. Однако я уверен: он жив. И, возможно, он продолжает дело, начатое много лет назад. Его методы страшнее, чем методы графини. Графиня похищала души, но давала взамен иллюзию рая. Барон не даёт ничего — он только забирает. Он оставляет пустоту».

Разин перечитал этот отрывок трижды. «Орден Пустоты», «Магистр Пустоты» — вот оно. Это объясняло, почему монеты появились снова, даже после того, как все известные ему были уничтожены. Если барон фон Хоффман действительно существует, он мог сохранить часть знаний, мог создать новые монеты или «зарядить» старые, которые уцелели. Но зачем ему это? Зачем открывать врата, если он никогда не входил в сад?

Он отложил бумаги, подошёл к окну. За стёклами — толстыми, заиндевелыми — ничего не было видно, только тусклый свет фонарей, расплывающийся в морозной дымке. Во-

рон на карнизе не было — они куда-то улетели, оставив после себя только чёрные следы на снегу. Разин провёл пальцем по стеклу, стирая иней, и выглянул наружу. Лиговка спала — редкие прохожие, закутанные в шубы до бровей, торопились по домам, пряча лица от ветра. Всё было обычно. Всё было спокойно. И в этом спокойствии таилась ловушка.

«Зачем тебе это, барон? — спросил он вслух. — Зачем тебе открывать ворота, если ты никогда не входил в сад?»

Ответа не было. Только ветер выл в печной трубе, и свечи трещали, разбрасывая искры. Разин подошёл к столу, взял ещё одну бумагу — на этот раз письмо, написанное профессором незадолго до смерти. Почерк был дрожащим, почти нечитаемым, но смысл доносился до сознания с пугающей ясностью.

«Мой дорогой ученик, если ты читаешь это, значит, я уже мёртв. Или почти мёртв. Я хочу передать тебе то, что узнал в последние дни. Барон фон Хоффман жив. Я видел его — он приходил ко мне во сне. Он сказал, что знает, что я ищу его. Он сказал, что он не враг, что у нас общая цель. Но я не верю ему. Он лжёт. Он лжёт даже себе. Он хочет открыть ворота не ради власти — он хочет этого ради мести. Мести графине за то, что она отвергла его. Мести миру за то, что он не понял его. Он готов уничтожить всё, только бы доказать свою правоту. Берегитесь его. Берегитесь тех, кто носит его монеты. Они не просто ключи — они клетки. Каждая монета — это капкан для души. И если ты найдёшь одну — уни-

чтожь её. Сожги в святой воде. И молись».

Разин положил письмо на стол и долго сидел неподвижно, глядя на тлеющий огонёк свечи. Мысли его путались. Значит, барон жив. И он хочет мести. Мести графине — той, что три года назад была уничтожена в саду. Но если графиня мертва, кому он мстит теперь? Или он просто ищет способ вернуть её, чтобы уничтожить собственными руками?

Он взял ещё одну бумагу — схему, нарисованную профессором. На ней был изображён круг, разделённый на девять частей. В центре круга — квадрат. А вокруг — имена, даты, символы. Внизу было написано: «Врата, закрытые однажды, могут быть открыты снова, если найти тринадцать ключей. Но есть и другой путь — создать новые ключи из старых, используя живые души как проводники. Это и есть путь Магистра Пустоты».

Разин закрыл глаза. Перед ним встала картина — сад, мёртвый и пустой, и трон в центре. И женщина в белом, которая плачет. Она не хочет возвращаться. Но кто-то хочет вернуть её. Или уничтожить её навсегда. И ради этого он готов пожертвовать сотнями, тысячами душ.

Он встал, заложил руки за спину и начал расхаживать по комнате. Ступени скрипели под ногами, свечи отбрасывали длинные тени. Снаружи — Лиговка, заснеженная, тихая, спящая. Но внутри, в этом доме, и в его душе, разворачивалась битва, в которой он не знал, на чьей стороне правда.

«Если барон хочет открыть врата, чтобы уничтожить гра-

финю, то мы, возможно, на одной стороне, — подумал он. — Но если он хочет открыть ворота, чтобы стать новым Хозяином, — тогда он наш враг. Я должен узнать, что ему нужно на самом деле».

Он подошёл к столу, взял чистый лист бумаги и начал писать:

«Дорогой Герман,

пишу вам в надежде, что это письмо найдёт вас. В Петербурге вновь появились монеты. Я подозреваю, что это дело рук барона фон Хоффмана. У вас есть какие-либо сведения о его местонахождении? Знаете ли вы, что ему нужно? Пожалуйста, ответьте как можно скорее. Ваш друг, Павел Разин».

Он запечатал письмо, поставил сургучную печать и отложил в сторону — отправит завтра утром. Потом снова взял бумаги профессора и погрузился в чтение, не замечая, как за окном уже глубокая ночь.

Обуховская больница. Кабинет Лерхе. Поздний вечер.

Разин приехал к Лерхе, когда тот уже собирался уходить домой. В кабинете было тепло, пахло лекарствами и карболкой. Лерхе сидел за столом, перебирая какие-то бумаги, и выглядел уставшим до предела. Увидев Разина, он снял очки и потёр переносицу.

— Павел Кириллович, — сказал он с лёгким раздражением, — ты не мог бы предупреждать о своих визитах? Я уже собирался домой, у меня завтра операция в восемь утра.

— Извини, Карл Иванович, — сказал Разин, садясь без приглашения. — Но это важно. Я нашёл кое-что в бумагах Великанова.

Он положил на стол выписки, которые сделал вечером. Лерхе вздохнул, но взял их в руки и начал читать. По мере того как он вникал в текст, лицо его становилось всё более мрачным. Он несколько раз перечитывал ключевые абзацы, потом отложил бумаги и посмотрел на Разина.

— Орден Пустоты, — повторил он. — Магистр Пустоты. Это звучит как дешёвый готический роман, Павел Кириллович. Ты сам это понимаешь?

— Понимаю. Но это не роман. Это реальность, Карл Иванович. Великанов был серьёзным учёным. Он не стал бы выдумывать такие вещи. Посмотри на это письмо — он сам говорит, что барон приходил к нему во сне. Он говорит о монетах как о клетках для душ.

Лерхе поднял на него глаза, и в них зажглась искра раздражения.

— Великанов был одержимым стариком, который потерял жену и пытался найти утешение в мистике! — резко сказал он. — Я уважаю его как врача, но его последние работы... они не выдерживают научной критики! Он сам говорил, что его исследования основаны на слухах и догадках! Ты не можешь строить расследование на том, что написано в бумагах человека, который слышал голоса в своей голове!

— Но монеты реальны, Карл Иванович! — Разин встал,

заложив руки за спину, прошёлся по кабинету. — Софья Волконская держала её в руках! Ожог на её ладони — это факт, который ты сам видел! Твои пациенты, два молодых человека, — у них те же ожоги! Ты не можешь отрицать это!

— Я не отрицаю! — Лерхе тоже встал, и они оказались лицом к лицу, разделённые лишь столом. — Я отрицаю твои интерпретации! Да, есть люди с ожогами, которые говорят о странных снах. Да, есть монеты. Но это не значит, что за этим стоит женщина из сада! Это может быть кто угодно! Шарлатан, аферист, который использует старые легенды, чтобы обманывать доверчивых людей! Или просто группа людей, которые решили поиграть в тайное общество!

— И кто же этот шарлатан? Немец в чёрном? Барон фон Хоффман, о котором писал Великанов? Ты думаешь, что кто-то случайно придумал такую сложную систему, создал монеты, которые вызывают у людей одни и те же сны? Это не случайность, Карл Иванович!

— А почему нет? — Лерхе повысил голос. — Может быть, это просто мошенник, который читал старые книги и решил на этом заработать! Ты не думал об этом?

— Думал, — холодно ответил Разин. — Но я также думаю о том, что три года назад мы видели сад. Мы видели Хозяйку. Мы видели души, которые она забирала. Это было не обманом, Карл Иванович! Мы были там! Я держал монеты в руках, чувствовал, как они нагреваются, как пульсируют! Ты сам держал их! Ты видел, как они плавятся в святом огне!

— Я был там! — Лерхе ударил кулаком по столу так, что бумаги разлетелись. — Я был в этом чёртовом саду! Я видел эти деревья, этот свет, эту... эту тварь в белом! Я знаю, что это было! Но, может быть, это была массовая галлюцинация? Может быть, мы все сошли с ума на одну ночь? Или нас чем-то опоили? Ты подумал об этом?

— Ты сам не веришь в то, что говоришь, — тихо сказал Разин. — Ты просто боишься. Ты боишься признать, что мир сложнее, чем его описывают твои учебники. Ты боишься, что рациональное объяснение не всегда работает.

— Боюсь? — Лерхе засмеялся, но смех его был горьким, почти истеричным. — Конечно, я боюсь! Я боюсь, что ты снова утянешь меня в это безумие! Я боюсь, что мы снова будем охотиться за призраками, а реальные люди будут умирать, потому что мы слишком заняты своими фантазиями! Я медик, Павел Кириллович! Я должен лечить живых, а не бродить по кладбищам и искать монеты в гробах! У меня есть пациенты, которые умирают от настоящих болезней, от тифа и холеры, и я не могу им помочь, потому что я трачу время на расследование того, чего, возможно, не существует!

Он замолчал, тяжело дыша. Разин смотрел на него, и в глазах его была не злоба, а печаль. Он понимал страх друга. Он сам боялся — боялся снова окунуться в эту тьму. Но он не мог остановиться. Потому что он видел глаза Софьи Волконской, её мёртвый взгляд, её дрожащие губы. И он знал,

что если отвернётся, то предаст не только её, но и всех, кого они уже потеряли.

— Ты не понимаешь, Карл Иванович, — сказал он наконец. — Я не ищу монет ради монет. Я ищу их, чтобы защитить людей. Если барон фон Хоффман существует, если он действительно распространяет монеты, то он убивает. Медленно, но верно. Софья Волконская умрёт, если мы не найдём способ помочь ей. Твои пациенты тоже умрут. И они не единственные. Ты готов смотреть на это и говорить, что всё это — фантазии?

Лерхе отвернулся, подошёл к окну. Молчал долго. Наконец, не оборачиваясь, сказал:

— Я устал, Павел Кириллович. Я устал бояться. Устал видеть смерть везде. Я хочу жить обычной жизнью. Лечить людей, пить кофе, сидеть у камина и не думать о том, что за каждым углом прячется тьма.

— Я тоже хочу этого, — тихо ответил Разин. — Но я не могу. Потому что, если я отвернусь, тьма победит.

Лерхе повернулся. Глаза его были красными.

— А если ты ошибался? Если всё это — просто случайность? И ты разбудишь что-то, что лучше было бы оставить в покое?

— Тогда я приму это, — сказал Разин. — Но я не могу жить с мыслью, что я не попытался спасти их. Софью, твоих пациентов, всех остальных. Если я ошибаюсь, я буду жить с этим. Но если я прав, и я не сделаю ничего — я не смогу

жить с этим никогда.

Они стояли друг напротив друга, разделённые усталостью и страхом. Каждый из них боялся своего — Лерхе боялся безумия, Разин боялся бездействия. И в этом страхе они были одинаковы. Разница была только в том, что каждый выбирал свой путь борьбы со страхом: Лерхе пытался спрятаться за наукой, Разин — идти сквозь тьму, даже не зная, найдёт ли свет.

— Я пойду домой, — сказал наконец Лерхе. — Мне нужно подумать. Завтра увидимся.

Разин кивнул, надел шинель и вышел. На улице его встретил морозный воздух, обжигающий лёгкие. Он поднял воротник, зашагал по заснеженным улицам, и на душе у него было тяжело, как никогда.

Ночь. Квартира Разина.

Он вернулся на Лиговку, когда часы пробили полночь. Усталость давила на плечи, но он не мог уснуть. Вместо этого он снова взял бумаги Великанова и углубился в чтение.

К середине ночи он наткнулся на запись, которая заставила его сердце забиться быстрее.

«Существует способ зарядки монет без использования сада. Для этого необходимо войти в сон другого человека и использовать его как проводник. Это сложный ритуал, но он возможен, если у вас есть хотя бы одна «заряженная» монета. Я не описываю его здесь, чтобы он не попал в руки недоброжелателей. Но я знаю, что барон фон Хоффман владел этим

искусством. Он мог создавать новые монеты из старых, и для этого ему не нужен был сад. Достаточно было войти в сон человека, уже однажды получившего монету, и использовать его как передатчик. Так создавалась цепь — монета за монетой, сон за сном, душа за душой. И каждая новая монета была слабее предыдущей, но их количество компенсировало качество».

«Значит, вот как он это делает, — подумал Разин. — Он использует людей, входя в их сны, и через них создаёт новые ключи. Софья видит сад, потому что он использует её как проводник. Она не жертва — она инструмент. И каждый новый человек, получивший монету, становится ещё одним звеном в этой цепи».

Он закрыл глаза и попытался представить, как это работает. Барон входит в сон Софьи, использует её как посредника, чтобы «зарядить» новые монеты. И каждая такая монета становится ещё одним ключом к воротам. Но не просто ключом — каждая монета связана с той душой, через которую она была создана. И если барон захочет, он сможет использовать эти души как рычаги управления.

«Зачем ему это? — задал он себе вопрос. — Если он не хочет входить в сад, если он считает его лишь началом, то что ему нужно? Может быть, он ищет способ управлять снами, не входя в сад. Может быть, он хочет стать новым Хозяином, но по-своему, без сада, без графини, без всех этих ритуалов. Или он хочет использовать сад как инструмент, как

рычаг, чтобы управлять миром живых. Войти в любой сон, изменить любой сон, превратить любого человека в марионетку».

Ответа не было. Но Разин чувствовал: он приближается к чему-то важному. Где-то в этих записях, в этих старых, пожелтевших листах, скрывался ключ ко всему. Не к монетам, а к пониманию того, что движет бароном. И это понимание могло стать оружием.

Он решил продолжить чтение, и глаза его пробежали по строчкам, выхватывая одно имя за другим, одну дату за другой. И вдруг он нашёл то, что искал.

Из записей профессора Великанова. Последняя страница. «Я понял, что барон не просто хочет открыть врата. Он хочет заменить Хозяйку. Он хочет стать новым богом снов. Но для этого ему нужно уничтожить графиню. Она стоит у него на пути. Она не даёт ему войти в сад, потому что сад — это её мир, её творение. Он не может захватить его, пока она жива. Даже мёртвая, она продолжает владеть этим миром. Поэтому он ищет способ уничтожить её окончательно. Для этого ему нужна душа, которая сможет войти в сад и разрушить его изнутри. Душа, связанная с графиней кровно или через монету. Я подозреваю, что такой душой может быть кто-то из рода Трубецких. Или, возможно, кто-то, кто уже однажды был в саду. Возможно, вы, Павел Кириллович. Вы должны быть осторожны. Он может прийти за вами».

Разин отложил бумаги. Руки его дрожали. «Он может

прийти за вами», — эти слова отдавались в голове эхом. Барон ищет его? Или он уже нашёл его, и все эти события — Софья, монеты, ожоги — это лишь прелюдия к чему-то большему?

Он встал, прошёлся по комнате. Свечи почти догорели, комнату заполнил полумрак. Он чувствовал, что тьма сгущается вокруг него, что она уже здесь, рядом. И что она ждёт.

— Ты хочешь прийти за мной? — спросил он шёпотом. — Приходи. Я не боюсь тебя.

В ответ — тишина. Только ветер завывал в печной трубе, да где-то далеко, в глубине ночи, залаяла собака. Но Разин знал: это ещё не конец. Это только начало.

Утро. Неожиданный гость.

Разбудил его стук в дверь. Разин открыл глаза — было уже светло, солнце пробивалось сквозь заиндевелые стёкла, но в квартире всё ещё было холодно. Он встал, накинул халат, пошёл открывать.

На пороге стоял Герман.

Старый горбун выглядел уставшим, но глаза его горели тем же странным светом, что и три года назад. Одеты они были в дорожный костюм, и в руках у него был небольшой саквояж. На плечах его лежал снег, и он дрожал от холода.

— Герман? — Разин отступил, пропуская его. — Что вы здесь делаете? Вы же в Кёнигсберге!

— Был, — ответил Герман, входя в квартиру и огляды-

вая комнату. — Но я получил ваше письмо и сразу выехал. Чувствовал, что без меня не обойдётся. — Он снял перчатки, потёр замёрзшие руки. — В Петербурге холодно, Павел Кириллович. Холодно и тревожно. Я чувствую это — воздух здесь другой. Что-то происходит.

Разин провёл его к столу, заварил кофе. Герман сел, снял перчатки, поставил саквояж на пол. Он выглядел старше, чем три года назад, но в его взгляде всё ещё была та же острота, та же готовность к борьбе.

— Я узнал, что в Кёнигсберге появился человек, который ищет старые монеты и спрашивает о Хозяйке. Он называет себя бароном фон Хоффманом. Но это не может быть он — барон умер в 1825 году. Я проверял церковные книги.

— Тогда кто это?

— Его ученик. Или тот, кто выдаёт себя за него. Или... — Герман помедлил. — Или сам барон, если он нашёл способ обмануть смерть. Как графиня.

Разин сел напротив него.

— Рассказывайте всё, что знаете.

И Герман рассказал.

История барона фон Хоффмана.

По словам Германа, барон был учеником Германнуса фон Шварца, но они расстались, потому что барон считал, что учитель слишком осторожен. «Сады и сны — это только начало, — говорил он. — Настоящая сила — в управлении снами живых людей. Если ты можешь войти в чужой сон и изме-

нить его, ты можешь управлять этим человеком. Ты можешь заставить его делать то, что ты хочешь, даже не прикасаясь к нему».

— Он создал Орден Пустоты, — сказал Герман. — Их цель была не войти в сад, а использовать его как источник силы. Они не хотели быть частью сада — они хотели управлять им. Они верили, что сны — это не просто отражение души, а самостоятельная реальность, которую можно подчинить, как подчиняют физические законы. И барон был их пророком.

— Но сад ведь был создан графиней?

— Был. Но графиня была только частью этого. Она использовала Братство для сбора душ, а барон использовал Братство для сбора власти. Они были как две стороны одной монеты. Когда графиня исчезла, барон скрылся. Я думал, что он мертв. Но если он жив, если он вернулся, то всё это — не случайность. Он ждал своего часа. И теперь он готов действовать.

— Зачем ему возвращаться сейчас?

Герман пожал плечами.

— Может быть, он почувствовал, что врата закрыты, и решил открыть их сам. Может быть, он ищет старые монеты, чтобы использовать их для своих целей. Может быть, он хочет стать новым Хозяином. Но я думаю, что это нечто большее. Он хочет мести. Мести графине за то, что она отвергла его. Мести вам за то, что вы закрыли врата. Мести всем, кто не понял его величия.

— Но как он может войти в сад, если он никогда не был там?

Герман посмотрел на Разина долгим, странным взглядом.

— Есть способ, — сказал он. — Я не знаю, как именно, но я слышал, что монеты можно «заряжать» через сны других людей. Если у него есть одна монета, он может создать другие. И каждая такая монета будет связана с тем, кто её носит. Но это не просто ключи. Это якоря, Павел Кириллович. Он привязывает души к себе, делает их частью своей воли. И когда их будет достаточно, он сможет войти в сад, даже не имея собственного ключа.

Разин вспомнил выписки из бумаг Великанова.

— Софья Волконская, — сказал он. — У неё есть ожог на руке. И она видит сны о саде.

Герман кивнул.

— Она — проводник. Барон использует её сны, чтобы создавать новые монеты. Она даже не подозревает об этом. Она думает, что видит сны, но на самом деле его воля проникает в неё через сон. И каждая новая монета, созданная через неё, делает её сильнее связанной с ним.

Разин встал, прошёлся по комнате.

— Значит, мы должны найти барона. И остановить его, пока он не создал целую армию таких проводников.

— Легче сказать, чем сделать, — ответил Герман. — Он постоянно меняет места. У него нет постоянного жилья. Он появляется в разных городах, распространяет монеты и ис-

чезает. Я пытался отследить его путь — последний раз его видели в Риге, до этого — в Митаве. Он движется к Петербургу, Павел Кириллович. Он идёт сюда.

— Но у нас есть ключ, — сказал Разин. — Софья. Если она — проводник, значит, она связана с ним. Мы можем использовать её, чтобы найти его. Через её сны мы сможем увидеть его, понять, где он находится.

— Это опасно, — предупредил Герман. — Если барон поймёт, что мы используем его же методы, он может... устранить её. Она ему нужна живой, чтобы создавать новые монеты. Но если он почувствует угрозу, он может разорвать связь, и тогда она умрёт.

— Тогда мы должны успеть первыми.

Они сидели за столом, глядя друг на друга. В комнате было холодно, но внутри Разина горел огонь. Он знал, что это риск, но он не мог позволить себе отступить.

— Мы найдём его, — сказал он. — Я обещаю.

Возвращение Лерхе.

Когда Лерхе вошёл в квартиру Разина, он застал их за разговором. Увидев Германа, он удивлённо поднял брови.

— Герман? Вы здесь?

— Я здесь, — ответил тот. — И я принёс новости. Новости, которые, боюсь, вам не понравятся.

Лерхе выслушал всё, что рассказал Герман, и некоторое время молчал. Затем подошёл к столу, взял чашку с остывшим кофе и сел.

— Значит, это правда, — сказал он. — Барон фон Хоффман существует. И он вернулся.

— Я думал, ты не веришь в это, — заметил Разин.

— Я не верил вчера. Но сегодня... — Лерхе вздохнул. — Сегодня я понял, что не могу позволить себе не верить. Потому что, если я ошибусь, кто-то умрёт. Не абстрактные «пациенты», а реальные люди. Софья, мои больные, может быть, ты. Я не могу рисковать их жизнями, даже если внутри меня всё ещё звучит голос сомнения.

Он поставил чашку на стол и посмотрел на Разина.

— Извини. Я был дураком. Ты был прав с самого начала. А я просто боялся. Боялся, что если я приму это, то потеряю себя. Что я перестану быть врачом, учёным, и стану кем-то другим — охотником за призраками. Но я понял, что быть охотником за призраками не значит перестать быть человеком. Это значит быть человеком, который готов защищать других, даже если за это придётся заплатить.

— Мы все боимся, — сказал Разин. — Но мы вместе. И это самое главное.

Они сидели за столом, трое мужчин, разделённых годами и опытом, но объединённых общей целью. За окнами выл ветер, и вороны кружили над Лиговкой, но в этот момент в квартире было тепло — не от печи, а от осознания того, что они не одни.

— Что дальше? — спросил Лерхе.

— Дальше, — сказал Разин, — мы найдём барона. И оста-

новим его. Но для этого нам нужно больше информации. Мы должны понять, что он задумал, где он прячется, и как мы можем его победить.

Он взял бумаги Великанова и начал читать вслух. И они сидели и слушали, впитывая каждое слово, как ученики, внимающие учителю.

За окнами сгущалась тьма. В Петербурге зажигались фонари, и их свет расплывался в морозном воздухе жёлтыми пятнами. Где-то в глубине города, в одном из старых домов, человек в чёрном сидел над стопкой квадратных монет и тихо смеялся.

Он чувствовал, что его ищут. Он знал, что они приближаются. Но это его не пугало. Наоборот — это придавало ему сил. Он готовился к этой встрече много лет, и теперь, когда она приближалась, он испытывал не страх, а предвкушение.

— Идите, — прошептал он в темноту. — Идите сюда. Я жду вас. Я ждал вас все эти годы. Мои монеты уже распространились по городу, мои нити уже оплели сотни душ. И когда вы придёте, вы увидите, что я не просто хочу открыть ворота — я хочу стать их хозяином.

Он взял одну из монет, сжал её в руке, и в тот же миг тьма вокруг него сгустилась, превратившись в мёртвый сад.

Сад был пуст. Только трон стоял в центре, и на троне сидела женщина в белом и плакала.

— Скоро, — сказал барон. — Скоро мы встретимся. И ты увидишь, кто на самом деле сильнее.

И тьма поглотила его, оставив после себя лишь холодный свет догорающих свечей.

Ночь. Квартира Разина.

Разин сидел в темноте, глядя на догорающие свечи. Бумаги Великанова лежали перед ним, открытые на последней странице. Он перечитывал её снова и снова, пытаясь найти то, что упустил.

«Барон не просто хочет открыть врата. Он хочет заменить Хозяйку. Для этого ему нужна душа, которая сможет войти в сад и разрушить его изнутри. Возможно, это вы, Павел Кириллович. Вы должны быть осторожны. Он может прийти за вами».

— Он уже пришёл, — прошептал Разин. — Он пришёл за мной. Через Софью, через монеты, через всех этих людей. Он хочет, чтобы я вошёл в сад. Но зачем? Чтобы уничтожить графиню? Чтобы стать новым Хозяином? Или чтобы использовать меня как инструмент?

Он не знал ответа. Но он знал, что должен найти его. Должен понять, что движет бароном, прежде чем будет слишком поздно.

Он встал, подошёл к окну. За стёклами — тьма. Лиговка спала, но в этой тьме ему чудилось движение. Кто-то шёл по улице, оставляя следы на снегу. Кто-то смотрел на его окно из темноты.

Разин не видел лица, но чувствовал — это он. Барон. Он был рядом.

— Приходи, — сказал Разин шёпотом. — Я не боюсь тебя.

В ответ — только ветер, завывающий в трубе, и далёкий, едва слышный смех.

Но смех этот был не злым. Он был печальным. Как будто тот, кто смеялся, знал нечто, чего не знали остальные. И это знание делало его одновременно сильным и одиноким.

Разин закрыл глаза. И в темноте, за его веками, снова возник сад. Мёртвый, пустой, холодный. И трон в центре. И женщина в белом, сидящая на нём, плачущая.

Но теперь рядом с ней стоял другой человек. Высокий, в чёрном. Он смотрел на Разина и улыбался.

— Приходи, — сказал он. — Я жду тебя.

Сад исчез. Разин открыл глаза.

За окнами занимался рассвет. Но в комнате всё ещё было темно. И холодно.

И где-то в глубине города, в старом доме, человек в чёрном сжимал в руке монету и улыбался.

Глава 3. След барона

Утро. Квартира Разина на Лиговке.

Серый, мутный рассвет пробивался сквозь заиндевевшие окна, когда Разин открыл глаза. Он не помнил, когда уснул — бумаги Великанова так и лежали раскрытыми на столе, свечи догорели до самых подсвечников, оставив после себя лужицы стеарина и слабый запах гари. Голова гудела, во рту было горько, но внутри, глубоко, теплилась странная решимость. Он знал, что сегодня начнётся настоящее расследование — не кабинетное, не бумажное, а то, что выведет их на след барона.

Он поднялся, умылся ледяной водой, заварил кофе. Герман уже сидел за столом, перебирая свои записи, сделанные ещё в Кёнигсберге. Лерхе пришёл позже, запыхавшийся, с красными от холода щеками.

— Я проверил больничные записи, — сказал он, снимая шинель. — Все трое пациентов, включая Софью, были в контакте с одним и тем же человеком — бароном фон Хоффманом. Он посещал их дома, представлялся коллекционером древностей. Но никто не запомнил его лица. Говорят только, что он был «очень красив и очень страшен».

— Как это? — спросил Герман.

— Не знаю. Так они описывают. «Красивый, но страшный, потому что в глазах пустота». Прямо как у графини, если

помните.

Разин налил себе вторую чашку кофе и сел за стол.

— Нам нужно понять, где он был, с кем встречался, что искал. Каждая деталь важна. Мы должны опередить его хотя бы на шаг.

Герман кивнул, на его лице застыло выражение сосредоточенной тревоги.

— Я знаю одного человека, — сказал он. — Старого слугу сенатора М. Он ещё жив, хотя ему уже за восемьдесят. Он видел барона, когда тот приходил в дом много лет назад. И он может помнить что-то важное.

— Тогда едем к нему, — решил Разин. — Карл Иванович, ты с нами?

Лерхе поправил очки, вздохнул.

— Я должен быть в больнице. Но я приду, как только смогу. Держите меня в курсе. Если найдёте что-то важное, дайте знать.

Они разошлись. На улице было морозно, ветер гнал позёмку вдоль Лиговки, и вороны, сидевшие на карнизах, провожали их чёрными, блестящими глазами.

Дом старого слуги.

Жил старик на Петербургской стороне, в крошечной каморке при бывшей барской конюшне, которая давно уже не использовалась по назначению. Комнатка была тесной, заваленной старыми вещами, пахло сыростью и лекарствами. Сам хозяин сидел в кресле у печки, укутанный в несколь-

ко шерстяных пледов, и выглядел так, будто уже одной ногой стоит в могиле. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, было бледным, руки дрожали мелкой старческой дрожью.

Но глаза его, мутные, слезящиеся, загорелись, когда он услышал имя Германа.

— Герман! — прошамкал он беззубым ртом. — Живой! А я думал, ты уже того... — он провёл пальцем по горлу, изображая смерть, и рассмеялся сиплым, дребезжащим смехом.

— Живой, Пантелей, живой, — ответил Герман, садясь напротив него на шаткую табуретку. — Я пришёл не один. Вот, познакомьтесь, коллежский асессор Разин. Он расследует одно дело, связанное с бароном фон Хоффманом.

Старик вздрогнул, поплотнее закутался в плед. Имя барона явно вызвало у него не просто страх — почти мистический ужас, который, казалось, не отпускал его все эти годы.

— Барон, говоришь? — переспросил он, и голос его стал тише, почти шёпотом. — Чёрный барон. Я его помню. Как не помнить-то? Он приходил в дом сенатора, когда я ещё служил. В 1810-м году, кажись. Или в 1812-м, точно не упомяну, годы-то какие были — война, суматоха. Долго он там был, неделю, может, больше. Сенатор его принимал тайно, никому не велел докладывать. Даже мне, своему верному камердинеру, сказал: «Пантелей, если кто спросит — никого не было». А я видел, как он входил. Высокий, худой, весь в чёрном. И глаза... такие же, как у неё.

— Как у кого? — спросил Разин.

Старик перекрестился.

— Как у той, что в белом ходила. Графини, значит. Такие же пустые, чёрные. Будто смотрит сквозь тебя. Я тогда ещё подумал: не иначе, родственник ей.

— Они были знакомы? — спросил Герман.

— Не знаю, — старик пожал плечами, кутаясь в плед. — Но говорили они одно. И искали одно. Монеты. Квадратные монеты. Сенатор тогда рассердился, закричал: «Не дам! Это не твоё!». А барон засмеялся и сказал: «Всё равно получишь. Я умею ждать».

— А потом? — спросил Разин. — Что было потом?

— А потом барон ушёл. А через неделю сенатор велел мне спуститься в подвал и вынести оттуда сундук. Маленький такой, деревянный, с резьбой. И книги — три толстых тома в кожаных переплётах. Всё это он велел отнести в карету, которая стояла у ворот. И больше я этих вещей не видел.

— Сундук и книги забрал барон? — спросил Герман.

— Не знаю, — старик покачал головой. — Карета уехала. Я не видел, кто сидел внутри. Но с тех пор сенатор перестал о нём говорить, будто вычеркнул из памяти. А через пять лет умер. Перед смертью он всё повторял: «Он вернётся. Я знаю, что он вернётся».

Разин сделал пометку в своём блокноте.

— Вы не помните, что было на сундуке? Какая-то резьба, символы?

— Помню, — старик прикрыл глаза, вспоминая. — На крышке была вырезана звезда. Шестиконечная. И буквы какие-то. По-немецки, наверное. Я не разобрал. Но она, эта звезда... она была похожа на ту, что вырезана на монетах. Я потом видел такую же у барона, когда он приходил. Он носил её на цепочке, на шее.

Герман вздохнул, повернулся к Разину.

— Звезда — это символ Ордена Пустоты. Такой же, как на монетах барона. И как на той, что мы нашли у Софьи Волконской. Значит, он ищет не просто монеты — он ищет связь с самим Орденом.

Разин кивнул, записывая.

— Спасибо, Пантелей. Вы нам очень помогли. Скажите, барон больше не появлялся в доме?

— Нет. Больше я его не видел. Но слышал, что он был в Петербурге недавно. Знакомые рассказывали: мол, барон вернулся, ходит по старым домам, расспрашивает о монетах. Даже к генералу Волконскому заходил, говорят.

— К генералу? — Разин насторожился. — Вы уверены?

— Так люди говорили. Я сам не видел. Но слухи по городу ползут, сами знаете. И они редко ошибаются, особенно если дело касается таких странных господ.

Разин поблагодарил старика, оставил ему немного денег на лекарства, и они с Германом вышли на улицу. Морозный воздух ударил в лицо, освежил голову.

— Барон был у Волконского, — сказал Разин, застёгивая

шинель. — Значит, он знал о Софье. И, скорее всего, он дал ей монету лично. Или, возможно, через посредника, но факт остаётся фактом: он уже был в городе. И он ищет что-то.

— Сундук, книги, старые монеты, — перечислил Герман.
— Он ищет то, что сенатор спрятал от него.

— И мы должны понять, что именно.

Они двинулись по заснеженной улице, и морозный воздух обжигал лёгкие.

— Нам нужно проверить дом сенатора, — сказал Разин.
— Если там остались какие-то следы, мы должны найти их до барона.

— Рискованно, — ответил Герман. — Это частная собственность, нас могут поймать. Или, что хуже, барон может устроить ловушку.

— Или мы можем найти то, что он ищет, — сказал Разин.
— И тогда у нас будет преимущество.

Обуховская больница. Кабинет Лерхе.

Лерхе сидел за столом, разглядывая медицинские карты Софьи Волконской и двух других пациентов. Перед ним лежали листы с записями, сделанными в течение последних двух дней. Он отмечал странные совпадения: все трое впадали в транс примерно в одно и то же время — около полуночи, длился он по два-три часа, и во время транса у них наблюдалась повышенная мозговая активность, схожая с состоянием глубокого сна, но при этом они не спали. Они бодрствовали, но в их сознании происходило что-то, что Лерхе не мог объ-

яснить с медицинской точки зрения.

Он вызвал старшую сестру, Марию Ивановну, и попросил принести записи, сделанные во время ночных дежурств.

— Смотрите, — показал он ей, — у всех троих активность коры головного мозга резко возрастает около полуночи и держится примерно до трёх часов. При этом пульс — ровный, давление — нормальное, дыхание — спокойное. Они не спят, но и не бодрствуют в полном смысле этого слова.

— Что же это, Карл Иванович? — спросила сестра, наклоняясь над бумагами. — Какая-то эпидемия?

— Я не знаю. Но я хочу провести ещё один эксперимент. Сегодня ночью я буду дежурить у постели Софьи Волконской. И если она снова войдёт в это состояние, я попытаюсь зафиксировать то, что происходит с ней. Может быть, мне удастся понять природу этого транса.

Он оставил распоряжения и отправился в палату, где лежала Софья. Девушка выглядела лучше, чем в предыдущие дни — щёки чуть порозовели, но взгляд оставался пустым. Она смотрела в стену, и губы её беззвучно шевелились, будто она вела диалог с кем-то невидимым.

— Софья Алексеевна, — позвал Лерхе, присаживаясь на стул у кровати. — Вы меня слышите?

Девушка медленно повернула голову, и Лерхе увидел, что в глазах её появилась тень осознания. Она моргнула несколько раз, будто просыпаясь от глубокого сна.

— Доктор... — прошептала она. — Она снова приходила.

Ночью. Она плакала и говорила, что скоро всё кончится. Я не знаю, что она имела в виду.

— Кто она? — мягко спросил Лерхе, стараясь не спугнуть проблеск ясности.

— Женщина в белом. Она сидит на троне и плачет. Она говорит, что ей больно. Что сад умирает, и она умирает вместе с ним. И что кто-то должен прийти и спасти её. Но она не знает, кто.

Лерхе почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Кто должен прийти?

— Человек в чёрном, — прошептала Софья. — Он приходит к ней каждый день. Он говорит, что спасёт её. Но она не верит ему. Она говорит, что он лжёт. Что он хочет не спасти её, а уничтожить.

— Барон? — переспросил Лерхе.

— Я не знаю его имени, — ответила Софья. — Но я вижу его лицо. Он красивый, но злой. И он смеётся над ней. Он говорит, что она больше не нужна, что он сам станет Хозяином. Что он займёт её место и будет править садом.

Лерхе записал всё в блокнот и вышел из палаты. В коридоре он столкнулся с Разиным и Германом, которые только что приехали.

— Карл Иванович, — сказал Разин, — у нас есть новости. Барон был у Волконских. Мы должны встретиться с генералом и выяснить, что он знает.

Лерхе кивнул, но в голосе его слышалась тревога.

— Павел Кириллович, я думаю, нам стоит быть осторожными. Эта женщина, графиня... она сказала Софье, что барон лжёт. Значит, у них разные цели. Может быть, они враги.

— Или она пытается нас перехитрить, — добавил Герман. — Не забывайте, она сама — обманщица. Она может говорить одно, а делать другое. Она использовала людей столетиями.

— Верно, — согласился Разин. — Но мы не можем игнорировать её слова. Они могут быть частью правды. И если барон хочет уничтожить её, это может быть нам на руку.

— Если только он не хочет занять её место, — мрачно заметил Герман.

Дом генерала Волконского. Вечер.

Генерал встретил их в гостиной. Он выглядел осунувшимся, под глазами залегли тени, но держался он прямо, как и подобает старому солдату. Рядом с ним стояла его жена — женщина с заплаканными глазами, но гордая осанка выдавала в ней аристократку старой закалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.